

«Вот тогда я впервые поверила, что от голода уже не умру»

Наверное, многие из нас, пробегая по делам своим неотложным мимо первого подъезда дома 7 на улице Школьной в Коммунаре, видели милостивую бабушку Зинаиду Ивановну Трофимову, сидящую в кресле под козырьком. А между прочим 1 сентября 2020 года ей исполнится 99 лет!

На крылечке у подъезда мы и встретились с уважаемой Зинаидой Ивановной, когда я пришёл поздравить её с днём прорыва блокады её родного Ленинграда, и вручить подарок. На мою просьбу поделиться воспоминаниями о своей такой непростой и длинной жизни, она ответила приглашением подняться в квартиру.

«Есть такая деревня Овражки в Смоленской области. Там я и родилась в 1921 году. А уже в 1936-м я стала студенткой Ленинградского медицинского училища. Окончила учёбу с отличием и мне дали возможность выбрать место работы. Только закончилась Финская война, и в училище пришла разрядка на 20 специалистов для работы в Финляндии. Там были подсобные хозяйства воинских частей, и требовались фельдшеры. Жили на берегу озера Вуокса-Ярви. Озеро соединялось с соседним и было шириной едва ли не два километра. «Вот тогда я впервые поверила, что от голода уже не умру».

Началась Отечественная война, на противоположном берегу озера всё взрывалось и горело. Наше начальство быстро уехало, нас бросили. Выручили военные, нам дали две машины. Водители получили приказ доставить нас только до линии Маннергейма. Спасла нас бутылка спирта, который я намеренно получила вместе с медикаментами. Довёз нас водитель за спирт до посёлка Токсово. Поселили нас в большом сенном сарае, 40 семей ютились за перегородками из простыней.

Уже наступил декабрь 1941 года, я исхудала, торчали одни кости и рёбра. Блокада, уже сгорели Бадаевские склады. Дошла кое-как до медицинского начальства, дали мне направление в медпункт в леспромхоз посёлка Лисий нос.

Лесорубы, женщины да редкие среди них мужчины, жили в бараке, люди работали на износ. Ведь дрова в ту зиму тоже решали, жить Ленинграду или нет. Дрова горели в котельных заводов, в топках паровозов, в буржуйках

ленинградцев. Заводы отправляли людей в лес, работали вахтовым методом. Уходить люди не хотели. В лесу хоть кое-как, но кормили. В соседнем колхозе вскрыли силосные ямы, силос промыли и готовили лесорубам борщ.

Когда приехала в леспромхоз, спросил меня начальник про карточки. Ответила, что есть, но хлеб выбрала на несколько дней вперёд. Велел начальник повару меня покормить. Налили мне тарелку этого борща, а я и доесть не могу. Желудок от голодухи сжался, и не принимал еду. Вот тогда я впервые поверила, что от голода я уже не умру. Так и было. Впроголодь, но дожила в лесу до снятия блокады.

Лесорубы были ослаблены голодом, а норму надо было выполнять. Война, и законы суровые. Лучковая пила, и на двоих норма шесть кубометров. Это при таком-то питании. Надо свалить дерево, обрубить сучки. Раскряжевать на метровые чурки и сложить. Держались люди из последних сил, знали, что в городе ещё хуже.

Девочки у нас работали с завода Володарского. Никак не могли норму выполнить. Лишали их даже такого обеда. Вот такие были времена. Полуголодные, а работали. Надо было держаться. И держались, на моём участке никто не умер. Совсем ослабленных лесорубов даже в больницу нельзя было отправить. В областной больнице почти все этажи были заняты госпиталем. Для гражданских оставался только верхний этаж. Лечили людей и подкармливали сами.

Я с утра осматривала рабочих и вечером проверяла. А днём была свободна. Вот и отправляли меня в Ленинград получать на предприятиях карточки для тех рабочих, которых командировали в лес. Ходила пешком. Спрошу у редкого прохожего, как пройти, и иду. Ужас, что в ту зиму творилось в городе. Весной 1942 года стали вывозить мёртвых, боялись эпидемий. Ведь почему крыс стало много? Еды для них было вдоволь. На Пискаревке рыли траншеи сваливали туда трупы. А уже в апреле на улицах людей стало больше. Всех, кто ещё мог двигаться, выводили на уборку города.

Знаете, очень оскорбило меня высказывание одного человека по телевидению. Он сказал, что поезда в Ленинград ходили постоянно, и поэтому блокады не было. Ходили поезда. В пригороды. Людей возили на работу, ведь в пригородах питались получше. Была своя картошка, ещё что-то. Покрепче были люди, а на заводах были нужны рабочие руки.

Ведь уже в первую блокадную зиму много людей трудоспособных в городе умерло. Не знаю, давали жителям из пригородов карточки на хлеб или нет. И в Ям-Ижору поезда ходили. Рядом, на окраине Колпино, уже немцы были.

В Понтонном жила сестра. Она настолько ослабла, что даже встать не могла. Дал мне начальник увольнительную, дали мне буханку хлеба. Водку, полученную по талону, я обменяла на хлеб. Стою на вокзале с букетом подснежников, жду поезд. Подходит военный, требует открыть сумку. Увидел хлеб, стал тащить меня в комендатуру. Я уже знала о случаях, когда там забирали хлеб, и идти отказалась. Хорошо, что рядом были люди. Но цветы он у меня всё-таки забрал.

Спасла я сестру от смерти голодной. А потом с ней познакомился военный, стал её подкармливать. Они стали жить вместе, после войны родили троих детей. Попрощалась я с сестрой, надо ехать назад, на работу. А поезда нет и нет. Пошли пешком, добрались до Рыбацкого. И там поезда нет. Дошли до места впадения Ижоры в Неву. Смотрим, мост взорван. А все мосты на случай прорыва немцев были заминированы. Не знаю, что произошло, но первый вагон поезда, люди ехали с ночной смены к себе в пригород, проскочил, а остальные лежали в реке.

В посёлок Коммунар я приехала в 1948 году. Муж сестры уже работал на фабрике «Коммунар», а мы с мужем в колхозе «Бугры». Я заведовала фельдшерским пунктом. Муж был слесарем седьмого разряда, позвали его ремонтировать бумагоделательные машины. Приехала и я с ним, обратилась в районный здравотдел, он находился в городе Павловске. Меня и направили поработать временно заведующей детским садом. Так я и проработала там 18 лет.

Коммунар был небольшим посёлком. Вербовали на фабрику людей. Помню, как приехали к нам из Мордовии, что ли. В своих костюмах, на ногах лапти. Поработала до 1976 года в поликлинике. Были хорошие врачи у нас: Кутчева, Метёлкина, Андреева, Григоренко.

Вот так и живу. Внучка у меня золото, помогает мне. Я ведь даже в магазин сама не хожу, руки уже не держат больше килограмма. Сижу на крыльчке, смотрю на людей. Дворник, человек добрый, кресло мне поставил. Вот уже 30 лет по утрам делаю посильную зарядку».

Прощаясь, пожелал Зинаиде Ивановне не только отметить вместе с нами свой вековой юбилей, но и радовать нас своим присутствием рядом и дальше. «Примета у меня такая. Сама себе говорю — нет, не доживу до... Дожила. Опять говорю. Не доживу до... Дожила. Так что на юбилее обязательно увидимся».

А улыбка у неё очень приятная. И человек Зинаида Ивановна Трофимова очень даже приятный. Здоровья Вам, уважаемая! А увидимся обязательно!

Подготовил Сергей Богданов

Опубликовано в газете «Комминфо» № 13 (904) 8 мая 2020 г.